

С. ПУГАЧ

Белгородский пединститут

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЧЕВЫМИ ПРИЕМАМИ ПОЛЕМИКИ Д. И. ПИСАРЕВА

В 60-е годы XIX века на основе длительной традиции, уходящей своими корнями к древнейшим памятникам, возникает блестящая полемическая литература. Между тем почти отсутствуют лингво-стилистические исследования, специально посвященные проблеме речевых средств и приемов полемики.¹

Среди полемистов, чье выдающееся мастерство заслуживает внимательного изучения, видное место принадлежит революционеру-демократу Д. И. Писареву, который вел энергичную борьбу против консервативной публицистики, в частности против реакционных идей журнала «Русский вестник» и либеральных в то время «Отечественных записок». Различие в оценке сложных условий пореформенной действительности приводило порой вдохновляемую Писаревым редакцию «Русского слова» и к расхождению с журналом «Современник», к полемическим столкновениям двух передовых журналов. Для правильного понимания сильных и слабых сторон позиции Писарева-полемиста важнейшее значение приобретает положение В. И. Ленина о двух видах полемики, ибо от того, с какой целью, с кем

¹ О полемическом мастерстве см.: Ю. Н. Тынянов. Словарь Ленина-полемиста. Архаисты и новаторы, Л., «Прибой», 1929; А. Г. Цейтлин. Ленин-полемист, «Литературный современник», 1937, № 1; Б. Яковлев. Ленин-публицист (гл. V). Госполитиздат, 1960.

Речевым приемам полемики Щедрина посвятил отдельные главы А. И. Ефимов в монографии «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина», МГУ, 1953.

она ведется, зависит ее общий тон, выбор и применение речевых средств.²

Весьма поучительны мысли самого Писарева о принципах и форме ведения полемики.³ Важнейшим требованием, определяющим уровень полемической борьбы, публицист справедливо считал идейную направленность вопросов, по которым ведется спор. Громадное значение в процессе полемики он придавал смеху, как действенному рычагу общественного обновления.⁴ Новизна, сила и смелость писаревской мысли рождали соответствующую форму, в которой нашла свое воплощение и система речевых приемов полемики.

Использование лексики и фразеологии противника для нейтрализации того эффекта, на который она рассчитана,— сильный полемический прием. С большим мастерством им пользовался А. И. Герцен. Полемизируя с сотрудником журнала «Москвитянин» (1843, № 9), который в статье «Николай Коперник (Голос за правду)» имя великого ученого ассоциирует с русскими формами *Покорник, покура*, Герцен многократно включает эти слова в свою речь, чем стилистически срывает с них мистический ореол, окружавший их на страницах славянофильского органа: «Три века тому назад завелся как-то у соседей, и то чудом, *покорой*, гений, опередивший самого Ньютона...»⁵

Страницы реакционных журналов 60-х годов пестрят пренебрежительными словами и выражениями, направленными против революционной демократии, например, в «Русском вестнике» за 1861 год: мальчишеское забиячество, беспутные бродяги и воришки, эмансипаторы, свистуны нашей литературы, борзописцы, задорные фельетонисты, прогрессисты и т. п. Писарев совершенно сознательно включает в свою речь такие слова: «...на первых порах надо говорить

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 12, стр. 382. О принципах ведения полемики и вытекающих из них стилевых особенностях автора; см. также: В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 237; К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве, 1938, стр. 673—674.

³ См.: Д. И. Писарев. Полное собр. соч. в шести томах, изд. Ф. Павленкова, 1894, т. I, стр. 351, 378, 382; т. II, стр. 181; т. V, стр. 143, 145. В дальнейшем цитаты и примеры приводятся по этому изданию.

⁴ См.: Д. И. Писарев. т. II, стр. 284.

⁵ А. И. Герцен. Полное собр. соч. под ред. Лемке, т. III, стр. 271.

с филистерами на филистерском языке», «поражать своих противников их собственным оружием». С таким стилистическим заданием он употребляет, в частности, слова *мальчишки* и *свистуны*⁶ — клички, при помощи которых противники демократии пытались опорочить прогрессивную молодежь.⁷

Само собою разумеется, что такие колебания вредят реальному направлению литературы, ободряют его противников и дают им повод говорить... что все нападки *мальчишек* на искусство и на науку происходят только от нежелания учиться...⁸ (IV,9).

...*Мальчишки* — народ заносчивый, зазнаются, примут молчание за признак слабости... (I, 382).

Сравним у Чернышевского: «...хотели пощипать» *мальчишек-свистунов*», а по неловкости ущипнули г. Тургенева» (VII, 714); у Антоновича: «Свист получает право гражданства в литературе; название «свистун» становится почетным, и многие ищут чести — быть и называться свистунами».⁹

Писарев, широко раздвигая рамки употребления таких слов, достигает блестящего стилистического эффекта:

Я не восстаю против полемики, не зажимаю ушей от *свиста*, не проклинаю *свистунов*; и Ульрих фон Гуттен был *свистун*, и Вольтер был *свистун*, и даже Гете вместе с Шиллером *свистнули* на всю Германию, издавши совокупными силами свой альманах... (1.370).

Таким образом, слово, несущее в речи противника важную смысловую и экспрессивную нагрузку, в ином стилистическом окружении теряет ее, нередко приобретая новую, противоположную окрашенность. Такое словоупотребление приводит к речевому разоружению оппонента.

⁶ О специфическом осмыслении слова *свистеть* и производных см.: Ю. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. Изд. «Наука», 1965, стр. 539.

⁷ Известно, что кличку *мальчишки* пустил в ход реакционер Н. М. Катков, а выражение *рыцари свистопляски* впервые употребил М. Н. Погодин в письме к Н. И. Костомарову. См. также Н. А. Добролюбов. Наука и свистопляска, или как аукнется, так и откликнется, «Свисток», 1960; М. А. Антонович. «Свисток» и его время.

⁸ Курсив в примерах, как правило, принадлежит автору статьи.

⁹ М. А. Антонович. Литературно-критические статьи. М.-Л., 1961, стр. 130.

В стиль революционно-демократической публицистики органически вошел прием пародирования лексики и фразеологии противника, основанный на совмещении двух стилистических планов—пародируемого и пародирующего. Писарев приводит следующие строки из «Русского вестника»: «...наша маленькая, скудная, едва начавшаяся жизнь, литература, без науки, едва только выработавшая себе язык...» и далее, играя различными значениями слова язык, продолжает в пародийном тоне:

...Я удержу язык свой в должном повиновении, несмотря на то, что я его *выработал* и что меня ужасно разбирает охота показать его во всю длину противникам гласности, какой бы чин они ни занимали на иерархической лестнице литературной полиции (II, 174).

Сравним у Герцена, пародирующего в памфлете «Москвитянин о Копернике» упоминавшуюся статью «Николай Коперник (Голос за правду)»:

Гнев груди, из которой вырвался *голос за правду*, с самого начала обличает волнение, не позволяющее *голосу* оставаться в пределах логики, хронологии и даже приличия... Такие *голоса* слушаются не умом, а сердцем: умом их не только не оценишь, но и не поймешь (III, 269).

«Отечественные записки», называя Чернышевского убогим фельетонистом, пишут по его адресу: «можно только улыбнуться и пойти прочь». Писарев пародийно реагирует на эту фразу:

Какой шутник Бестужев-Рюмин! Он в продолжение двух месяцев *собирается улыбнуться*, а *пойти прочь* решается, только написавши 15 страниц; и все это ради *убогого фельетониста*, ради невинного малютки Чернышевского... (I, 389).

Сравним полемический выпад Писарева против Добролюбова, сопоставляющего героиню драмы Островского «Гроза» с многоводной рекой, которую нельзя запрудить:

Моя страстная и упорная любовь к Базарову вошла в пословицу... я никогда не рассуждал о том, что *предпринял бы Базаров*, если бы его *запрудили* или если бы ему *пришлось течь через обрыв* (V, 169).

Укрупняя, подчеркивая внешние особенности речи своих оппонентов, Писарев выставляет на показ, высмеивает те стороны их творческой манеры, логической или образной аргументации, которые вызывают с его стороны протест.

Передовая литература вела последовательную борьбу за смысловую точность словоупотребления, вскрывала лживость и опустошенность речи прямых и косвенных защитников самодержавия. Этой задачей обусловлен у Писарева прием семантического анализа лексики и фразеологии противника, осуществляющейся при помощи своеобразных синонимических сближений:

Идеализм, или, что то же, бестолковость, берут свое... (II, 317).

Очень часто мишенью полемиста становятся слова и выражения, которым противник придает программное значение:

У нас это называется *обскурантизмом*, а у них, в «Русском вестнике», это может быть именуется совсем иначе: *серьезностью, солидностью, ученостью* или еще как-нибудь позамысловатее (II, 174).

На поверку-то и выйдет, что девиз «Отечественных записок», «практичность и служение чистому искусству» сводится на возглас: Да здравствует золотая посредственность!.. (I, 399).

Сочетание или столкновение разностильной лексики помогало Гоголю высмеивать мир мертвых душ, Белинскому и Герцену — разить своих идейных противников, Щедрину — издеваться над властью имущими чиновниками и бюрократами. К этому же приему широко обращается и Писарев, направляя свою иронию против журналистов и ученых, блуждающих в дебрях идеалистической философии и проповедующих чистое искусство. Ограничимся несколькими примерами:

...Предмет уносится учеными критиками на *вершины Олимпа российской мысли*, и густой туман скрывает его от глаз обыкновенных зрителей..., а кто смелее, тот закрывает книгу и говорит, что начинается «*ерунда*» (I, 380).

...Пошли *ученые рыцари, кто в лес, кто по дрова; своя своих не познаша...* (I, 378).

Разговорное, бранное слово *вахлак*, передающее грубоватость, неотесанность, сталкивается с книжным *вдохновение* и книжно-поэтическим выражением *зевсовы чертоги*:

...наш брат *вахлак* большую силу забрал и обо всем рассуждать берется; и *вдохновения* не признает, и в *зевсовы чертоги* не желает *забираться...* (III, 239)..

В середине XIX века значительно возрастает роль просторечной и разговорной лексики в литературном языке, расширяются и обогащаются стилистические функции этих категорий в публицистическом стиле, где они становятся эффективным оружием полемики. Широко известен случай, когда Писарев, признавая, правда, впоследствии необоснованность такого выпада, воскликнул по адресу критика журнала «Современник» М. А. Антоновича:

Ах ты, коробочка доброжелательная! Ах ты, обличительница копеечная! Ах ты, *лукошко* российского глупокомыслия! (IV, 21).

Обычно же Писарев насыщал разговорно-просторечной и грубой лексикой фразы, обращенные к противникам революционной демократии. При этом звучание таких слов нередко подчеркивалось соседством с высокопарной лексикой:

«...Русский вестник», конечно, не станет *калякать с зеваками*, а примет именно ту *позитуру*, которую в подобном случае обязан принять исправный член благоустроенной полиции (II, 173).

Полемизируя с публицистом Альбертини, выступившим против Чернышевского, Писарев замечает:

Напишите еще две-три статьи... *проврнитесь* еще раза три так, как *проврались* теперь, и ваша брань делается так же почетной... (I, 387).

В различных контекстах встречаются у полемиста и многие другие просторечно-разговорные слова (хлам, мусор, вздор, вдребезги, побрякушки, дурь), ярко подчеркивающие его отношение к предмету речи.

Писаревский речевой стиль питается живительными соками образной народной речи. Одна из линий ее стилистического освоения — применение в полемических целях поговорок, поговорок и других устойчивых фразеологических единиц, которыми автор подкрепляет или завершает логический ход мысли:

Достоинство журнала спасено, а между тем не высказано ничего резкого, что могло бы раздражить гусей; и *волки сыты и овцы целы* (I, 380).

Иногда же Писарев разрушает каноническую форму народных выражений и в измененном виде приспособляет их к требованиям своей аргументации:

Чужой устав, введенный в свой монастырь, может также оказаться в высшей степени неуместным... (II, 172).

Вот пример полного деформирования известной поговорки *яйца курицу не учат*, авторитетом которой консерваторы пытались заглушить живые стремления передовой молодежи:

Ты—яйцо бессознательное и должен пребывать в своей безответной невинности до тех пор, пока сам не сделаешься курицей. Таким образом пятидесятилетние куры рассуждают с тридцатилетними яйцами... (III, 289).

В словоупотреблении Писарева — полемиста заметное место принадлежит характерным для литературного языка той поры лексическим образованиям, особенно существительным на *-ость*, *-ство*:

Живая природа человека здесь, как и везде, скована и обесцвечена *мундирностью и обрядностью*. (II, 384).

Публицист нередко употребляет слова, образованные от имени литературных персонажей, сделавшихся нарицательными:

...бросить петербургской журналистике упрек в *хлестаковстве* и привести в подтверждение своих слов цитаты из фельетона Кускова — это, воля ваша, прием в высшей степени недобросовестный... (II, 210).

Казалось, *рудинству* приходит конец, и даже сам Гончаров похоронил своего Обломова... (II, 386).

В процессе полемики Писарев обращается также ко многим образам русской и мировой литературы, однако чаще всего пользуется образами гоголевскими:

Вся политика, наука и критика «Времени» составляют, очевидно, одну длинную, сладкую-пресладкую, нежную-пренежную идиллию, написанную в прозе *Афанасием Ивановичем* собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку *Пульхерию Ивановну* в день ее шестьдесят седьмого тезоименитства (III, 243).

По адресу публициста «Русского вестника» М. Н. Лонгина полемист замечает:

На нашу бедную литературу сыпятся такие ругательства, каких, может быть, не сумел бы подобрать даже рассердившийся *Иван Никифорович*, такие ругательства, какие, может быть, поленился бы произнести даже мрачный *Михайло Иванович Собакевич* (II, 209).

В ходе полемики, как известно, полемизирующие сторо-

ны прибегают к взаимному цитированию. Писарев обычно цитирует слова противника, чтобы наглядно представить и обнажить наиболее уязвимые места его позиции. Логические опровержения дополняются экспрессивными: полемист берет под подозрение определенное слово или выражение противника и сопровождает его своим комментарием, часто сатирического характера. Вот цитируемый отрывок из «Русского вестника» и, в скобках, писаревский комментарий к нему:

«При беспрерывном изменении вкуса и переворотах в языке... у нас была бы полезнее, чем где-либо, корпорация независимая, с авторитетом в деле словесности. Она нисколько не стесняла бы доброй воли всякого писать, как ему угодно (*неправда ли, как это милостиво и великодушно!*). Но она была бы хранилищем, где всякий мог бы почерпнуть сведения дельные; центром, где публика знакомялась бы с научными и литературными приемами, узнавала бы серьезно историю языка и словесности (*очевидно, академия такого фасона была бы, по мечтам Лонгинова, чем-то средним между присутственным местом, адресным столом и учебным заведением*). Наконец, она была бы... (II, 202).

Количество подобных примеров можно легко умножить.

Важную роль в системе речевых средств полемики выполняют образные средства языка. При помощи метафор и сравнений Писарев создает оригинальные по своей ассоциативной насыщенности, острые полемические контексты, например:

...«Русский вестник» из кожи вон лезет, чтобы как-нибудь поубийственнее побранить кого-нибудь из литераторов, пишущих в «Современнике»; где можно разом зацепить *полицейскою алебардою* двоих или троих разом, там он цепляет... (II, 177).

...В этом золотом веке исчезает потребность в *литературной полиции*... Может быть вместе с этою потребностью исчезнет и потребность в «Русском вестнике» вообще (II, 174).

Особенно широко Писарев вовлекает в процесс метафоризации естественнонаучную лексику. В этом проявилась, с одной стороны, тенденция развития словарного состава литературного языка, дающая себя чувствовать уже в прозе Лермонтова и получившая широкий простор в 60-х го-

дах XIX века, с другой — индивидуальная манера самого Писарева, увлекавшегося пропагандой естественных наук. О том же «Русском вестнике» он пишет:

...если бы к этому месту приложить анатомический нож и микроскоп, если бы исследовать его состав путем химического анализа, то могло бы открыться много любопытного... (II, 172).

Писарев-полемист развивал речевую мускулатуру об этом журнале как о каком-то экзотическом явлении:

...Мы вступаем в новый мир, в котором все, начиная от крупнейшего травоядного животного и кончая мельчайшей букашкой, должно возбудить удивление простого наблюдателя и лихорадочную любознательность зоолога (II, 172).

Яркий образец полемически направленной писаревской иронии представляет собой следующий пример, построенный на метафоре и сравнении:

...Ковчег, в который, конечно, не пустят нас, нечестивых фельетонистов, плавает по водам... из этого ковчега вылетает, как невинный голубь, «Русский вестник»... ему некуда опуститься, не на чем отдохнуть, негде найти масличную веточку; бедный голубок! (II, 209).

Публицист блестяще пользуется теми богатыми возможностями выражения субъективной оценки, которые таят в себе тропы.

Рассмотренные факты не исчерпывают собою всего многообразия средств и приемов полемики Писарева. В полемических целях он пользовался также антитезой, полисемией, омонимией, приемами принижения себя и мнимого возвеличения противника, богатыми синтаксическими возможностями речи.

Писарев-полемист развивал речевую мускулатуру публицистического стиля, способствовал закреплению в нем ряда важных лексических групп и выявлению в них новых стилистических качеств. Употребление просторечных категорий в системе приемов полемики обусловлено у Писарева его эстетическим идеалом и резко противопоставлено речевой практике проповедников чистого искусства. Своеобразное понимание роли естественных наук в общественном прогрессе приводило Писарева к широкому включению в полемический обиход естественнонаучной лекси-

ки и фразеологии: в новых смысловых и стилистических функциях.

Многие излюбленные приемы полемики Писарева нужно признать традиционными, но в его использовании они приобретают характерный рисунок, неповторимую выразительность и силу. Полемический стиль Писарева окрашен тонкой и язвительной иронией, роднящей его мастерство с герценовским. Пафос полемических выступлений Писарева — горячая и непоколебимая убежденность в торжестве идеалов революционной демократии. Отсюда та энергия мысли, тот накал чувств, которые выдвинули его полемическое искусство на одно из первых мест в русской литературе.
